



КТО БЫЛ ВИНОВАТ И ЧТО С НАМИ СДЕЛАЛОСЬ

(К ДЕСЯТИЛЕТИЮ АВГУСТОВСКИХ

СОБЫТИЙ 1991 г.)

21 августа 1991 г. Вторая половина дня. Колонна бронетранспортеров, крадущаяся мимо Боровицких ворот, на Каменном мосту вдруг резко набирает скорость и поспешно уходит из столицы. Во все еще встревоженной и недоверчивой толпе, движущейся от Белого дома к Манежной площади, обсуждаются главным образом два вопроса: *кто виноват?* и *что делать?* Ставшие до оскомины банальными благодаря перестроечной публицистике, они частично утрачивают это качество в устах людей, быстро начинающих примеряться к роли победителей и все более возбуждающихся. К их чести, ни один волос не упадет тогда по их вине с голов противников.

...Что можно ответить на эти вопросы сегодня, десять лет спустя? Вернувшийся после путча *в другую страну*, М.Горбачев бросает что-то не очень определенное насчет того, что всей правды об этих событиях никто то ли не знает, то ли и не узнает никогда. Его голословно обвиняют в причастности к заговору, он вынужден оправдываться и делает это не очень ловко. Мало кто, однако, заметил, что Президент СССР тогда, похоже, не столько проговорился, сколько оговорился по Фрейду. Главное ведь было совсем не в том, какие плелись тогда заговоры, и кто в них участвовал. В три дня рухнула мировая сверхдержава, она же – первое в истории и самое мощное и выносливое тоталитарное государство – и мы не раз еще будем гадать, что это значит и будет значить для нас и для мира. Перестала существовать страна, в которой мы родились и приоровились жить, даже если эта жизнь оскорбляла, унижала и каждый день испытывала нас. И всякий поворот истории еще неведомо как долго будет открывать нам все новые грани и горизонты произошедшего. Не оттого, что будут обнаруживаться дополнительные обстоятельства событий десятилетней давности – хотя и это не исключено – а потому, что будущее властно и непрерывно навязывает смысл прошлому.

Кто организовал путч? Десять лет, минус, может быть, первые несколько месяцев, это мало кого интересовало, кроме нескольких журналистов. Суда не было (да и по какому закону кого и за что было судить после распада СССР?), всех амнистировали, результаты расследования, если они и были, не опубликованы. Дело за будущими историками, а

жителям России все это десятилетие было, в общем, не до воспоминаний об этих событиях. По большому счету, и сейчас все еще не особенно до них. Сегодня – именно сегодня – для тех, кто о них помнит, самое существенное не в том, кто те Гаврилы Принципы наших дней, которые организовали небольшую заварушку, а получилось всемирно-историческое событие, а другое.

Важно не столько, кто лично был виноват, сколько – что это вообще было. А была это номенклатура – действительный правитель советской России, чья власть лишь временами умерялась или дезорганизовалась террором – репрессиями и чистками, инициируемыми чувствующими угрозу генеральными секретарями. Теми из них, кто был на это способен. Остальных убирала, когда ей это было нужно, или держала «под колпаком» сама номенклатура. Бывали периоды, когда было не вполне ясно, кто управляет страной – известные всем по президиумам партсъездов личности или безличная анонимная аппаратная сила, действовала под псевдонимом «коллективная воля партии». Во времена М.Горбачева все это отчасти вышло на поверхность: мы то и дело наблюдали какие-то действия от имени тогдашней власти, к которой она не имела или не хотела иметь отношения. В известном смысле ГКЧП – не случайная авантюра, а глубоко закономерное событие отечественной административной истории, однако начавшееся и завершившееся, в силу особых обстоятельств, не под покровом тайны, как обычно, а на глазах у всего мира, в стране, уже ставшей за годы перестройки иной. Создатели и сторонники ГКЧП могли искренне считать себя последней линией обороны разваливающегося государства: другого государства тогда действительно не было и быть не могло. И среди путчистов были не только шуты, но и свои рыцари.

...Огромная и всё более задиристая, за счет примазавшейся по пути шпаны, толпа, обтекая Манеж, подходит к Кутафьей башне. Здесь она на минуту приостанавливается возле понурой редкой цепи невооруженных солдат, и откуда-то протискивается вперед длинноволосый, странно одетый и, кажется, невымытый человек. Он делает пару шагов и размахисто, от плеча, протягивает руку маленькому, щуплому офицеру:

– Поздравляю, лейтенант – победа!

Смертельно бледный лейтенант, держа руки по швам и как бы не замечая жеста длинноволосого, безо всякого выражения и знаков препинания, медленно и отчетливо произносит, глядя ему прямо в глаза:

– Да б... победа.

Не случайным станет и скорое «предательство» номенклатуры союзных республик СССР, занявшей в 1990-1991 гг. собственным спасением под лозунгами национального самоопределения и, главное – финал всей этой истории. Советский Союз развалится как по мановению волшебной палочки, поскольку единственное, что его скрепляло, была номенклатурная вертикаль, не оттененная и не уравновешенная

другими политическими и общественными институтами. Сторонники сохранения СССР оказались в критический момент институционально и организационно бессильными. И их *аппаратно* переиграли.

Верховной власти вообще крайне опасно безоглядно полагаться на бюрократию, считая, что та – всего лишь ее послушный инструмент. Это не так, у бюрократии свои интересы, не всегда совпадающие с интересами этой власти, как, впрочем, и общества. И в критических ситуациях она способна подвести любую верховную власть, не озаботившуюся созданием работоспособного механизма «сдержек и противовесов» или не сумевшую ее создать. М.Горбачев и его команда не создали такой системы, однако за предшествовавшие августу 1991 г. шесть лет люди почувствовали себя свободными, возникли массовые общественные организации, и ГКЧП тогда не прошел. Люди, однако, не всегда бывают так активны, как на рубеже 80-90-х гг., и сегодня проблема формирования институтов, способных «смирить» бюрократию, ограничить ее всевластие стоит остро, как никогда. В этом урок августа 1991 г., критически важный для нас десять лет спустя.

...Помитинговав на Манежной, толпа идет на Старую площадь, растекается по Москве и, наконец, к ночи низвергает четыре памятника: Дзержинскому, Свердлову, Павлику Морозову и Калинин. Выбор выглядит по-своему логичным, особенно в последнем случае. Если памятники массовым террористам, царубийцам и отцеубийцам, в мире хотя и редко, но встречаются, то монумент ничтожеству, бесспорно – нонсенс, *contradictio in adjecto*. Еще более любопытно и существенно, однако, что многочисленные памятники Ленину повсеместно уцелели. Даже спровоцированные ГКЧП на выступление, сплотившиеся вокруг Ельцина и Белого дома, люди в своей массе не были тогда готовы решительно отказаться ни от главных символов тогдашнего общественного строя, ни от него самого. Уничтожены были лишь те второстепенные, которые ассоциировались с одиозными крайностями советской системы, но не с ее сутью.

Двусмысленность, половинчатость того, что в те дни сгоряча было названо кем-то «Преображенской революцией» (путч случился на самое Преображение) стала знаком всего последующего десятилетия. Оправившись от августовского шока, противники нового режима перегруппировались и вскоре вытеснили с площадей «демократов», которым эти площади принадлежали в 1989-1991 гг. Не так уж редко это были те же самые люди. Новая власть плохо начинала и явно намеревалась продолжать в том же духе. Казалось, она делает все, чтобы оттолкнуть от себя всех более или менее пристойных сторонников.

...Еще днем 20 августа встречаю на углу Конюшковской и Девятинского переулка знакомого, не очень симпатизирующего «демократам», но пришедшего к Белому дому защищать демократию. На вопрос, «Ты куда?», отвечает со вздохом: «Иду бунтовать!» Уже через несколько недель после путча он в сердцах заявляет: «Я, дурак, защищал тогда Белый дом, а надо было штурмовать его с автоматом в руках!»

Апофеоз изоляции и беспомощности власти – канун октябрьских событий 1993 г., когда так называемые «красно-коричневые», по сути, владели улицей. Впоследствии на первый план выдвинулись коммунисты из КПрФ и их союзники, бросавшие вызов «партии власти» не только на демонстрациях, но и на выборах. Антиельцинской коалиции во многом удалось блокировать проведение реформ, благодаря чему были потеряны годы, жизни, неообразимые ресурсы. Власть же, лишенная твердой опоры в обществе (чему виной, по крайней мере отчасти, сама и была) и связанная по рукам и ногам, маневрировала, уступала, запутывалась в коррупции, много и стыдно скандалила.

Один из опросов общественного мнения, проведенный ВЦИОМ в 1998 году, показал, что советскую власть продолжали считать «законной», «народной» и «своей» соответственно 32%, 36% и 32%, в то время как новую – лишь 12%, 2% и 3%. Эти цифры показательны. Действительно, идея советской государственности все прошедшее десятилетие разделялась и, судя по всему, даже сегодня все еще разделяется крупным и достаточно солидарно мыслящим меньшинством общества. Именно на него в первую очередь ориентировались коммунисты на президентских и парламентских выборах. Идеологии же «новой России» просто не существовало как массового общественного явления. Это не означает, что постлевгустовская Россия в принципе никому не была нужна, и что за нее некому было постоять. Отнюдь нет. Когда в 1991 и 1996 годах сходились лицом к лицу коммунистический и некоммунистический кандидаты, заметное большинство избирателей предпочитало некоммуниста – и именно потому, что он не коммунист. С некоторыми оговорками сходная ситуация сложилась и в 2000 году. Меньшинство в стране точно знает, чего хочет, большинство знает только, чего ему не хотелось бы. Рады бы полюбить новую власть, которой, вроде бы, не хочется того же самого – да никак не получается. Не дает она поводов влюбиться в себя. Но уж если не ее, так себя это большинство в обиду дать не хочет и не позволяет, голосуя скрипя сердце за нелюбимую власть. В России на президентских выборах сходятся две незримые массовые «партии», на которые расколото общество: сторонников «старого порядка» и его противников. Партии, образованные вокруг других, в том числе прагматических идей, до этих выборов не доходят, да и вообще, по разным причинам массовыми не становятся. Голосование же на этих важнейших для страны выборах носит пока преимущественно негативный и личностный характер: рыхлая и неустойчивая коалиция большинства время от времени собирается против возвращения коммунизма, или/и в поддержку личности, не связываемой с коммунизмом, а не в защиту нового государственного устройства, дискредитированного в общественном сознании.

...Уже вечером 21 августа 1991 года начинается пир победителей. Кто-то делит должности, кто-то пытается мародерствовать, хотя большинство москвичей живет своей повседневной, нервной жизнью. Люди, выходящие из метро «Площадь Ногина» к Политехническому

музею (более популярный выход непосредственно на Старую площадь, закрыт: ЦК КПСС *осаждают*), могут наблюдать прямое революционное действие. Средних лет человек интеллигентного вида, поднявшийся по эскалатору в обществе жены и дочери-подростка, внезапно видит табличку: «Выход на площадь Дзержинского». Ругаясь грязно и крикливо, он вдруг начинает молотить её жениным зонтиком, а осколки топчет в какой-то ускоренной, дикой ламбаде. Толпа, в которой немало нарядно одетых детей, шарахается, раздается и идет своими путями – кто «выкуривать коммунок» из будущего здания администрации Президента, кто прогуливаться после трехдневного проливного дождя по вечернему центру. Года полтора на этом месте не было никакой таблички, а потом появилась новая: «Выход на Лубянскую площадь». Возвращаясь той ночью с революции домой, придумываю термин: «первопроходимцы демократии».

После августа старый общественный организм не столько преобразался, сколько продолжал разлагаться, только значительно быстрее, чем прежде. Пресловутый процесс, наконец, действительно пошел. Из бессильных противников или невольных проводников этого разложения органы власти всех уровней превратились в его активных, хотя и не всегда восторженных участников. «Спасайся кто может, и прочь с дороги!»: примерно так мог бы звучать лозунг тогдашнего режима. То, что, схватив на лету, не удавалось удержать в руках, считалось политически корректным, если не мудрым, отдать без большого сопротивления. Собственность или суверенитет – неважно. Успешными неизменно оказывались скорее «освободительные», чем собственно созидательные действия властей и общества. Свобода слова, свобода совести, свобода покинуть страну и возвращаться в нее, свободное ценообразование и свобода предпринимательства, отмена монополии внешней торговли, конвертируемость – пусть только внутренняя – рубля, свобода ассоциации и политического волеизъявления, территориальная децентрализация управления и многое другое – вот примеры. Все эти важнейшие, хотя на практике и далеко не во всем бесспорные, достижения самых последних предавгустовских и первых послеавгустовских лет были связаны с отменой или нарушением определенных запретов, а не с выполнением каких бы то ни было и чьих бы то ни было стратегических планов.

Открывать створы плотин сложно, особенно если этому мешает охрана, но если уж ее сопротивление сломлено – все же неизмеримо легче, чем строить новые гидроинженерные системы. Там, где власть робко или даже решительно пыталась что-то сохранять, защищать и, в особенности – созидать, она почти неизменно терпела чувствительные для себя и обидные для страны поражения. Будь то попытки спасти СССР, создать СНГ как механизм интеграции на новых основаниях, а не только как часть *процедуры развода*, мирным или военным путем удержать Чечню, провести относительно безболезненную для основной части общества ваучерную приватизацию, сконструировать

эффективную банковскую систему, модернизировать промышленность или стать соучредителем устраивающей Россию системы международной безопасности и т. д.

Единственное, что власти все эти годы действительно удавалось спасать, охранять и даже строить – это она сама, что и было убедительно продемонстрировано и во время «малой гражданской войны» 1993 г, и на критически важных президентских выборах 1996 г., и в болезненной ситуации поисков и обретения преемника Б.Ельцина в 1999-2000 гг. Бесславные поражения и позорные просчеты власти, дискредитировавшие ее в стране и за рубежом, не мешали ей все эти годы медленно, но верно заполнять пространства, так и не занятые институтами гражданского общества, местным самоуправлением, партийной системой. Достаточно было популярному молодому В.Путину сменить непопулярного больного Б.Ельцина, как незримое ранее стало очевидным для всех. В итоге к десятилетию августовских событий мы видим сплоченные гораздо более, чем когда-либо за эти годы, бюрократию и политическую элиту и гораздо более слабую, чем когда-либо, оппозицию – идет ли речь о парламенте или регионах, об улице или об олигархах. И это сразу почувствовали, сделав свои выводы, и в самой России, и в ее окрестностях, и в более дальних уголках планеты.

Однако и очевидные слабости общественных и политических институтов, призванных, помимо прочего, сдерживать и уравновешивать верховную власть, сплошь и рядом становящаяся заложницей бюрократии, не должны вводить в заблуждение. Общество, экономика, периферийная властная система, разлагаясь, давали жизнь новым организмам. Жизнеспособными оказывались лишь те новые формы бытия, которые возникали сами собой из повседневного, не всегда согласного с моралью, быта, а не те, которые являлись бы органическим развитием прежних форм, или должны были стать буквальным воплощением стерильной идеи технологичного «перехода» от старого к новому. Сегодня мы можем, пожалуй, говорить уже не только о разложении остатков старого организма, как о преобладающей тенденции. Наряду с ней, в каком-то смысле – внутри нее, все заметнее присутствие новых элементов и их констелляций, пытающихся объединиться в определенные системы, на которые вынуждено ориентироваться и государство, обретающее таким образом новую логику, новую устойчивость и новую независимость от любой из них по отдельности. Сегодня очень важно, сумеет ли государство, эмансипирующееся от «олигархов» переходного периода, опереться на эти структуры, а не исключительно на бюрократию, в то же время не попадая в зависимость от них. А это во многом будет зависеть от энергии и разума гражданского общества. Пока оно в основном вновь – хотя и по-новому – безмолвствует, находясь не то в эйфории, связанной с переживаниями последних двух лет, не то в протрации, вызванной опытом последних десяти. Диагноз здесь важен, но еще важнее то, что каким бы он ни был, это уже не семидесятилетнее коматозное

состояние, из которого общество окончательно вышло именно в те августовские дни.

...В ночь на 23 августа, когда все уже, по сути, кончается, и защитники демократии потихоньку начинают расходиться по домам, у Белого дома начинают укрепляться баррикады и устраиваться проходы, охраняемые откуда-то берущимися самозванными дружинниками: все более нервными, задиристыми, требовательными. Продолжается эта карнавальная «оборона» еще несколько дней, пока наконец не вмешаются пресненские дворники – первый, и пока еще единственный, по-настоящему знающий дело, отряд нового режима.

В эти дни символически завершается первое послеавгустовское десятилетие, но также и неповторимая, для каждого из нас окрашенная в свои, но почти для всех – в яркие цвета, послеавгустовская эпоха нашей истории. Логика перехода от старого порядка к новому, похоже, исчерпывает себя и становится неинтересной. Десять лет назад тысячи людей в Москве и по всей России по своей воле *вышли на площадь*, взбунтовавшись на этот раз не против, как обычно, а в защиту закона. Не их вина, что его гарантом объявило себя – и действительно стало – политически слабое, не имевшее ясной программы действий, морально не очень стойкое правительство одной из «республик» СССР, правда – крупнейшей. Мифологизировать тот далекий уже август, праздновать годовщины тех дней общество, судя по всему, пока не готово, и даже неизвестно, будет ли готово когда-нибудь. Его историософский смысл выявится не скоро и будет зависеть от того, как мы преуспеем и на каких путях. Как бы то ни было, мы вступили в новую эпоху с другими надеждами и разочарованиями. Возможно, она будет не менее драматичной, чем завершившаяся. В любом случае, однако, это будет уже другой драматизм.